

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-08

ББК 83

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-113-123>

**«ТЕКСТ СУДЬБЫ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ
НАРРАТИВАХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ МОДЕРНА
(НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА АНКЕТ Ф. ФИДЛЕРА
«ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАГИ: АВТОБИОГРАФИИ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»)**

Елена Александровна Селютина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. Анализируются нарративы профессиональных литераторов в сборнике анкет Ф. Фидлера «Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей» (1911) с точки зрения универсальных способов концептуализации писательской судьбы. Анкеты (опросные листы) – жанр для эпохи модерна новый, использующийся в разных по статусу изданиях, в котором прежде всего ценилась субъективность. Целью данного исследования является анализ специфики «текста судьбы» в нарративе профессионалов литературной среды в эпоху модерна на примере сборника Ф. Фидлера. Выявлено, что, несмотря на разницу положения литераторов в художественных процессах эпохи модерн, нарративы самоосмысления тяготеют к унификации, помещая на главную позицию онтологу «судьба» и ее возможные роли в жизни человека. Вопросная рамка анкеты Ф. Фидлера ориентируется на ряд конвенций, принятых в обществе в отношении литераторов-современников, а также на социальные установки, сформировавшиеся в предшествующие эпохи, полагающие важным апеллировать к прямой речи писателей.

Ключевые слова: анкета литератора, русский модернизм, эго-нарратив, медиадискурс, речевые жанры, Федор Фидлер, литературная автобиография, автобиографические практики, онтологема «судьба», авантюрный роман

Для цитирования: Селютина Е. А. «Текст судьбы» в автобиографических нарративах писателей эпохи модерна (на примере сборника анкет Ф. Фидлера «Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей») // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 113–123. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-113-123>

Original article

**THE “TEXT OF FATE” IN THE AUTOBIOGRAPHICAL
NARRATIVES OF WRITERS OF THE MODERN ERA
(USING THE EXAMPLE OF A COLLECTION
OF QUESTIONNAIRES BY F. FIEDLER'S “THE FIRST
LITERARY STEPS: AUTOBIOGRAPHIES OF MODERN
RUSSIAN WRITERS”)**

Elena A. Selyutina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The article provides the analysis of the narratives of professional writers in the collection of questionnaires by F. Fiedler's "The First Literary Steps: Autobiographies of Modern Russian Writers" (1911) from the point of view of universal ways of conceptualizing the writer's fate. Questionnaires (questionnaires) are a new genre for the modern era, used in publications of different status, where subjectivity was primarily appreciated. The author concludes that despite the difference in the position of writers in the artistic processes of the modern era, narratives of self-reflection tend to unify, placing the ontology "fate" and its possible roles in human life in the main position. The question frame of the questionnaire F. Fiedler focuses on a number of conventions adopted in society in relation to contemporary writers, as well as on social attitudes formed in previous eras, which consider it to be important to appeal to the direct speech of writers. The research of the auto-documentary texts of the modern era on the example of the genre of the questionnaire-autobiography of a writer turns out to be important for determining the universal models of egoization peculiar to writers of this time. The public self-reflection of the authors depends not only on the narrative framework proposed by F. Fiedler, but also tends to fictionalize in world construction and world representation, focusing on the scheme of an adventurous novel. Therefore, writers see the "fatality" of their life choices, describe their path to writing as trials, unexpected plot twists and the non-accidental intervention of fate.

Key words: *questionnaire of the writer, Russian modernism, ego narrative, media discourse, speech genres, Fedor Fiedler, literary autobiography, autobiographical practices, ontologeme "fate", adventurous novel*

For citation: Selyutina, E. A. (2025). The "text of fate" in the autobiographical narratives of writers of the modern era (using the example of a collection of questionnaires by F. Fiedler's "The First Literary Steps: Autobiographies of Modern Russian Writers"). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 113-123. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-113-123>

Введение

Анализ тактик и способов самоописания внутри исследования эготекстов различного типа можно считать одним из самых интенсивно развивающихся направлений в современном литературоведении в связи с общим нарративным поворотом гуманитаристики. Особое место в данном проблемном поле занимают автодокументальные тексты, в группу которых попадают дневники, мемуары, мемораты, травелоги, автобиографии, исповеди и проч. (в более ранних теоретических работах термин употреблялся в контексте изучения художественных текстов с «установкой на подлинность» [Гинзбург, 1977, с. 10]; сегодня под автодокументальными текстами понимается широкий спектр нефикциональных жанров [Савкина, 2007]). В этот ряд, на наш взгляд, необходимо определить и жанр анкеты-автобиографии, который, несмотря на очевидную разницу, связанную с инициированием наррации (свободная в классической автобиографии, направляемая, помещенная в нарративную рамку вопрос-ответной формы, в автобиографии-анкете), в перцептивном плане также реализует задачу, обусловленную самоосмыслением и мироконструированием. В этом смысле нарратив субъекта анкеты может быть проанализирован как частный случай мнемического нарратива, подчиняющегося условиям формирования такого типа наррации.

Концептуализация жизни человека в автобиографии не в последнюю очередь строится вокруг онтологемы «судьба», понимаемой в широком спектре версий значений – от обывательской синонимичности понятию «жизнь» к сложному варьированию возможных ролей судьбы в конструировании мира субъекта от древнейших времен, где судьба определяется в качестве важной мифологемы, до Новейшего времени, где она выступает сложным культур-специфическим феноменом, имеющим институциональный образец (эталонный вариант судьбы) в разных сферах деятельности человека. Неотменимость этого сложного концепта внутри «мира собственной истории» признается исследователями-семиотиками, герменевтами, нарратологами.

При этом очевидно, что есть культурные практики, наиболее подверженные унификации представлений о судьбе и ее роли в существовании субъекта, тяготеющие к созданию жанрово-стилистического канона в тактиках описания данного проблемного поля. Такой областью, апроприирующей семантические вариации термина «судьба», безусловно, является писательство, поэтому анкеты литераторов могут интерпретироваться с точки зрения осмысления роли судьбы уже не только у человека вообще, а у субъекта творчества, «выламывающегося» из широкого поля обывателей-современников (даже и тех, кто так или иначе с миром искусства связан), осознающего свою инаковость, готового определить соотношения случайного и закономерного в переходе от существования вне поля литературы к жизни в качестве писателя, соотносит провиденциальное и персонально-волевое в приобретении символического статуса, а также, что кажется нам особенно важным, в целом тяготеющего не просто к осмыслению своей жизни как текста, а себя – как героя истории, а сознательно конструирующего нарратацию как текст определенного жанра (романной формы), имеющий сюжет, выстраивающийся линейно (разворачивающийся от прошлого к будущему, которое может осмысляться в мнемическом нарративе как сбывшееся в настоящем; имеющий имманентную логику «развития»). Особенно это заметно, когда жанр представлен суммой вариаций в сборниках анкет, один из ранних образцов – сборник анкет-автобиографий «Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей» [Фидлер, 1911].

Жанр анкеты появился в литературной периодике в конце XIX в., и не все словари, энциклопедии и лексиконы того времени фиксируют его укорененность в журналистской и издательской работе (в более ранних российских энциклопедиях XIX в. слова «анкета» нет). В «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Эфрона нет словарной статьи под таким названием, анкета получает определение через ссылку к статье «сведущие люди» («опросы С<ведущих> людей назыв<ают> *обследованиями*, или *анкетами* (enquê te)») [Брокгауз, 1900, с. 205]. В другом словаре анкета трактуется как исследовательский метод: «Анкета – исследование какого-нибудь вопроса общественной жизни путем письменного или устного опроса целого круга лиц, прямо в нем заинтересованных или близко стоящих к той области, в которой предпринимается анкета» [Энциклопедический словарь товарищества ... , 1910, с. 130]. Метод определяется как качественный, а не количественный, целью которого является «получение разнообразного, цифрового и нецифрового материала, который давал бы в сумме живую общую картину условий, господствующих из исследуемой области явлений» [Энциклопедический словарь товарищества ... , 1910, с. 130]. В первом издании «Большой советской энциклопедии» «анкетный метод» отделяется от статистического: «разница между статистическим исследованием обычного типа и анкетным заключается в том, что первое дает объективные факты, а второе – субъективные мнения о фактах (Эйленбург). Центр тяжести анкетного исследования определяется в получении разнообразного цифрового и описательного материала, который давал бы в сумме живую картину условий, господствующих в исследуемой области явлений» [Большая советская энциклопедия, 1926, с. 767]. Субъективность метода представляется одновременно спецификой и недостатком (данные, представляемые анкетами, изменчивы). Вероятно, именно субъективный характер и формальная новизна презентуемых данных сделали анкету привлекаемой как для «серьезных», подобных «Русскому богатству», так и для массовых изданий начала XX в., например для «Биржевых ведомостей». Поэтому проект

Ф. Фидлера по сбору анкет, длившийся с 1909 по 1911 г., вызвал отклик у многих писателей, в том числе и не входивших в круг близких друзей культуртрегера эпохи модерна: ответы прислали 54 литератора, среди которых – И. Бунин, Л. Андреев, А. Блок, Л. Гуревич, С. Дрожжин и др. Фидлер не делил авторов по направлениям или степени успешности у читающей публики, следуя идее анкеты как таковой – максимальный охват и ценность субъективного опыта.

Анкеты литераторов как специальный предмет до сих пор мало исследовались. О возможности проследить динамику взглядов литераторов в анкетной репрезентации пишут некоторые ученые [Анисенко, 2023; Андрущенко, 2023; Вахненко, 2019; Кузнецов, 2019; Клементьев, 2023; Александров, 2019]. Данная проблема находится в поле изучения автобиографических нарративов, в том числе и внутрицеховых, литературных, теория которых представлена в работах [Савкина, 2007; Абашева, 2001; Сабурова, Родигина, 2015].

Исследование и его результаты

По словам Н. Д. Арутюновой, для «нарративного текста судьбы характерна семиологичность», т. е. не просто описание суммы событий, а их ранжирование и интерпретация с точки зрения участия/неучастия высшей воли в их проявлении [Арутюнова, 1994, с. 315]. Понятие «судьба» в связи с максимально широкой употребительностью используется представителями всех методологических подходов к тексту. Судьба понимается как синоним жизни как таковой, или некая сила, управляющая жизнью человека. В этом контексте она фигурирует в трудах биографической [Сент-Бёв, 1970, с. 202, 354] и культурно-исторической школы (например: «Всѣ тѣ, которые обласкали Горькаго при первыхъ шагахъ его на литературномъ поприщѣ, распознали въ немъ лишь иѣкоторый талантъ. Никому изъ нихъ и приблизительно не приходило въ голову и самое отдаленное представление о томъ, какая судьба ждетъ талантливаго, но “неуравновѣшеннаго” самородка, которому они болѣе или менѣе снисходительно покровительствовали» [Венгеров, 1907, с. 159]).

Подход, полагающий важным изучение биографии автора, нельзя считать заслугой литературоведения XIX в., так как в целом внимание к «жизни замечательных людей» – явление древнее, известное еще с Античности. Но принципиально теоретизировать и описать семиотическое поле понятия «судьба» в контексте осмысления персональности удалось семиотике XX в., не в последнюю очередь благодаря пониманию жизни как текста, через общую метафоризацию жизни как пути или «развертывающегося сюжета». Осмысляя практики самоинтерпретации, М. М. Бахтин пишет о семиотизации пространственно-временного контекста вокруг персоны, организующей видение (то, что впоследствии нарратологи назовут «фокализацией»), «уплотнении мира» [Бахтин, 1986, с. 180].

Представители структурно-семиотической школы под «текстом судьбы» понимают следующее: «Имеется в виду жизнеописание, построенное с ориентацией на другой текст – сценарий, предопределяющий “распорядок действий” и ту роль, которая отведена в нем носителю судьбы. Его основная задача – интерпретировать случайные связи между событиями» [Арутюнова, 1994, с. 313]. В связи с этим Н. Д. Арутюнова выделяет пять моделей взаимоотношения судьбы и персоны, т. е. пять вариантов определения причинно-следственных связей человеком: судьба-распределитель, судьба-игрок, судьба-режиссер, судьба-заимодавец, судьба-судья. В. Н. Топоров полагает, что работа с семиотическим полем понятия «судьба» должна учитывать оппози-

цию детерминированного и индетерминированного в жизни персоны, поэтому в отношении бинарной оппозиции с судьбой вступает понятие «случай», а человек лишен возможности вступить в диалог равно как со «случайностью» (случаем), так и с «необходимостью» (судьбой), получая возможность интенсивной саморефлексии [Топоров, 1994, с. 38]. Для Топорова принципиален временной фактор в определении границ этой авторефлексии: «Общая схема предполагает, что встреча человека с судьбой или случаем происходит в некоем пространственно-временном центре: и судьба, и случай в “антропологической” перспективе “сильнее” всего обнаруживают себя, когда “застигают” человека *hic et nunc*» [Топоров, 1994, с. 39]. «Текст судьбы» понимается как соотношение линии и ее изгибов, рядового, рутинного и всевозможных отклонений. Поэтому будь перед нами биография или автобиография, в «текст судьбы» должны войти повороты, а не течение событий. Как следствие, задача исследователя биографии или создателя исповеди – определение соотношения воли и знаков, предзнаменований, метаморфоз, нечаянностей и проч.

Принцип «принудительной каузальности» представителям постструктурализма видится признаком «традиционной культуры» (допостмодернистской) [Можейко, Балцевич, 2001, с. 804]. При этом каузальность осмысливается по двум полярным векторам: 1) провиденциализм, внешняя сила воздействует на субъект (рок, фатум); 2) «внешней по отношению к судьбе детерминантой выступает сам субъект – судьба мыслится как продукт сознательного ее созидания» [Можейко, Балцевич, 2001, с. 805]. В точке пересечения этих версий интерпретации судьбы находится представление о достойном исполнении предначертанного и избранности субъекта.

Для нас принципиально важен новейший подход к определению судьбы через кризис идентификации, фиксирующий нарративный подход к тексту. «Из исследований феномена автобиографии широко известно, что любая история жизни обычно охватывает несколько историй, которые к тому же изменяют сам ход жизни» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 30]. М. А. Можейко приводит в пример труды Р. Барта: «Индивидуальная биография превращается из “судьбы” как целостной определенности в относительный и вариативный “рассказ” (по Р. Барту, *History of Love* превращается в *Story of Love*, а затем и в *Love Story*)» [Можейко, Балцевич, 2001, с. 807–808]. Несмотря на разницу в теоретических подходах, на наш взгляд, в интерпретациях конца XX – начала XXI в. общим является понимание, что «право на биографию» субъект обосновывает совпадением с ключевыми (конгруэнтными) позициями «образцовой судьбы», предложенной дискурсом (в нашем случае – «профессионального письма»), стилизуя свою судьбу под уже имеющиеся образцы [Топоров, 1994, с. 44], то, что М. М. Бахтин называл «литературным сопротивлением литературным старым формам», полагая, что целью письма должно быть «создание новой литературной комбинации из чисто литературных же элементов» [Бахтин, 1986, с. 180], «причем и читатель должен “ощущать” творческий акт автора только на фоне обычной литературной манеры» [Бахтин, 1986, с. 180], а также принципиально важное для нашего исследования понимание «социальной ангажированности нарративных процедур и практик» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 30].

Ф. Фидлер предложил литераторам начала XX в. нарративную рамку, обусловленную многими значимыми процессами, с которыми столкнулся мир художественной словесности в эпоху модерна. В 25 вопросах учтены новейшие на тот момент представления о гениальности (генетическая предрасположенность к творчеству и влияние среды и семьи), динамика издательской

сферы и отношения ее акторов (гонорары и неаккуратность их выплат, материальное положение литераторов, редакторские правки и обвинения в плагиате), феноменология дебюта (и аспект «дебюта второго»), интенциональность творчества (фантазия и наблюдательность как основы вдохновения) [Фидлер, 1911, с. 3–4]. Очевидно, что важность собственной инициативы по сбору анкет литераторов Ф. Фидлер осознает в контексте углубления биографических и автобиографических практик своего времени. С одной стороны, биография становится универсальным жанром для описания синхронических и диахронических срезов литературы (и такие проекты реализуют С. Венгеров в шеститомных очерках новейшей литературы, А. Чеботаревская, собирающая биографии писателей-современников, А. Измайлов, который благодаря журналистской работе смог создать сборники литературно-критических эссе, как, например, «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» и др.), с другой – модерн в целом закрепляет интерес к эго-наррации любого типа, от исповеди до газетного интервью и анкеты, что можно считать высокой точкой развития автобиографических тактик предшествующего времени, с его повышенным вниманием к жанрам беллетризованного дневника или беллетризированной автобиографии во второй половине XIX в.

Самоосмысление литераторов в нарративе о судьбе строится по различным векторам, но в самом общем виде, конечно, мы должны говорить о судьбе благоволящей и судьбе, заставляющей «мытарствовать». Среди моделей взаимоотношения человека и судьбы, предложенных Н.Д. Арутюновой, – судьба-распределительница («случай предопределяет все события жизни с самого ее порога»), судьба играющая («каждое событие не более чем случайность, и оно оценивается в терминах удачи или проигрыша»), судьба-режиссер («случай целенаправлен, он как бы ненароком придает событиям нужную ориентацию, и даже несчастье может пойти во благо»). Судьба-заимодавец подает знаки, указывающие верный путь. И, наконец, судьба правосудная показывает, что «случай сильнее закона», случайная истина (*contingent truth*) становится необходимостью [Арутюнова, 1994, с. 309]. Среди этих моделей превалирует отношение к судьбе как режиссеру и заимодавцу: «Предназначение ассоциируется с высшей силой, призвание – с природным даром» [Арутюнова, 1994, с. 311]. Судьба-режиссер ставит грандиозный спектакль, где лучшие роли получают те, кому это «предназначено». В этом смысле человек может не ведать промысла судьбы, но участвовать в ее осуществлении, а затем ретроспективно оценить знаки Провидения, так как его избранность будет очевидна. В случае же реализации «призвания» явно тяготение к рационализации причин получения дара судьбы (таланта), оценки жертвенности этой модели отношений с роком, но главное, несмотря ни на что, цели существования человека и цели судьбы совпадают.

Данные анкет литераторов свидетельствуют о практически тотальной вере в судьбу (или Божественное провидение), что ведет к выстраиванию сюжета в конвенциональную схему, стилизации эго-наррации в презентации творческого письма как удивительной, нерядовой судьбы, похожей на авантюрный роман. Логика авантюрного романа описана М. М. Бахтиным [Бахтин, 1975], важнейшей составляющей жанра (во всех его вариациях) является особая сюжетная схема, включающая внезапную и резкую перемену участи. В сборнике анкет у Л. Андреева судьба одновременно и внезапная, и логично распределяющая важные для человека пункты жизни: «Но здесь вмешалась в дело “случайность”. Между прочим, сам я “случайности” не признаю и прибегаю к этому выражению только в целях упрощения рассказа ... Здесь мой путь,

как мне кажется, ничем не отличается от пути всякого иного беллетриста, начавшего свою литературную деятельность в газете» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 30–31]. Ретроспективная оценка удачливости/неудачливости писателя при входе в мир литературы оказывается способом создать конфликтность в сюжете жизни, представить увлекательность и драматичность судьбы автора. Неслучайно многие говорят о кардинальной перемене, удивительной и счастливой (И. Щеглов: «Первые литературные шаги мои отмечены *резко* (курсив наш. – Е. С.) благоприятными условиями» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 95]).

Гладкость и беспроблемность дебюта видятся некоторым авторам обесценивающим их усилия фактором. Поэтому анализ нынешнего положения в сравнении с литературным дебютом позволяет респонденту занять позицию наблюдателя относительно «я-в-прошлом»; пафос сентиментальности показывает отношение к бедному начинающему писателю, еще не знающему всей суммы «перемен участи» – от несчастья к счастью и обратно. Путь литератора есть борьба за существование, во многом и борьба с обстоятельствами, не позволяющими осуществиться судьбе: А. Зарин – «Борьба за существование проходить красной нитью через всю мою жизнь, но я в настоящее время думаю, что мы – писатели, художники, артисты – ухитряемся сами устраивать адь своей жизни» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 223]; К. Баранцевич – «Борьба за существование, как и всякая борьба, – состояние очень хорошее, если оно не продолжительно. Къ счастью, въ девяносто случаевъ изъ ста, такъ оно и бываетъ, и я долженъ благословлять судьбу, что она меня причислила къ большинству» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 165]; Н. Пружанский – «Вначале была борьба жестокая, кровавая, каждый шагъ, движение впередъ пришлось брать приступомъ» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 213].

Судьба заставляет мытарствовать, терпеть нужду: Н. Пружанский – «приспособляться, укорачиваться, сжиматься, подделываться, чтобы как разъ подойти къ редакціонному шаблону, – не въ моемъ характерѣ. И понятно, что при такихъ условіяхъ пришлось много помытарствовать» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 210–211]. Писатели акцентируют наше внимание на «мытарствах», озарениях и открытиях, которые можно оценить лишь с временной дистанции: «К этому времени [17 лет] относится очень характерная запись в моем дневнике: в ней с удивительной правильностью, хотя в выражениях и ребяческих, намечен тот литературный путь, которым я шел и иду ныне... Вспомнил о дневнике случайно, <...> и был поражен точностью и совсем не мальчишеской серьезностью сбывающагося предсказания» (Л. Андреев) [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 30].

Судьба благоволит не ко всем авторам, но есть те, кто полагает себя ее баловнем, поэтому представляет судьбу «ласковой». Так, например, мы видим такой подход к осмыслению собственной творческой истории у Т. Щепкиной-Куперник: «Мои первые шаги были настолько легки, настолько просты, – что даже *ничего из себя не представляют интересного*. Выражаясь высоким стилем, судьба *ласково* взяла меня на руки и вынесла на берег» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 69]; Б. Лазаревский: «Судьба меня *ласкала* (курсив наш. – Е. С.). Мытарствовать мнѣ по редакціямъ почти не приходилось, да и жилъ я тогда въ далекой провинціи – въ Севастополѣ. Случалось, что мнѣ возвращались рукописи, но гораздо чаще онѣ бывали приняты» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 9]. Иронически отвечая на вопрос о плагиате, Н. Тэффи пишет о собственной удачливости в этом вопросе: «Совпадение моей фабулы съ чьей-нибудь изъ иностранныхъ писателей случалось со мной довольно часто. Такъ, напримѣръ, пьеса на сюжет “Эльга” была мною почти закончена, когда ее напечата-

Гауптманъ. Но по счастливой случайности мои вещи появляются обыкновенно прежде, чѣмъ ихъ двойники» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 204].

Судьба-заимодавец определяет единственно верную дорогу, которая в итоге привела героя к счастью. Например, Е. П. Карпов: «Я никогда не былъ доволенъ тѣмъ, что я написал, но все же я глубоко счастливъ, что судьба привела меня на дорогу литератора и заставила работать на поприщѣ, почтеннѣе и важнѣе котораго въ жизни я не знаю» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 232]. Судьба ведет и выбирает для литератора судьбу, несмотря на его изначальные желания, как это случилось с А. Косоротовым: «Оглядываясь въ далекое прошлое моей жизни, я склоненъ думать, что сталъ писателемъ лишь потому, что судьба заградила передо мной путь музыканта» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 106]. В качестве носителей воли судьбы могут выступать «случайные» люди (Б. Лазаревский: «На помощь мне пришла сама судьба. В вагоне я встретился с интеллигентным московским купцом М. М. Зензиновым. <...> только благодаря материальной поддержке М. М. Зензинова и Лидии Филипповны Маркс я мог выйти в отставку и отдаться литературе всецело. Я никогда не забуду этих людей» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 11]; П. Соловьева: «Отъ 19 до 28 лѣтъ я была дружна съ однимъ семействомъ, которое, поощряя мои занятія живописью, болѣе чѣмъ равнодушно относилось къ моимъ стихамъ, и подъ вліяніемъ этихъ друзей я одно время совсѣмъ бросила писать стихи и не пробовала ничего печатать. Только въ 1895 г., благодаря счастливой случайности, стихи мои попали къ Н. К. Михайловскому» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 93]) или место, например учебное заведение (Г. Петров: «Я четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ выпросился въ Петербургъ и, послѣ долгихъ исканій, совершенно случайно попалъ въ духовную семинарію съ содержаніемъ на казенный счетъ» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 21]; А. Федоров: «Случайно одинъ изъ давальцевъ, – отецъ былъ до юношескихъ лѣтъ пастухъ въ деревнѣ, а затѣмъ сапожникъ въ Саратовѣ, – поговоривъ со мной, убѣдилъ отца отдать меня въ реальное училище» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 103]). Путь писателя «тернистый, но честный» (В. Тихонов), позволяющий ощутить необыкновенно счастье (А. Ремизов: «И все-таки, какое счастье сумѣть хоть пролопотать о своемъ сапогѣ» [Цит. по: Фидлер, 1911, с. 224]).

Заключение

Исследование автодокументальных текстов эпохи модерна на примере жанра анкеты-автобиографии литератора оказывается важным для определения универсальных моделей эго-наррации, свойственной писателям того времени. Публичное самоосмысление авторов зависит не только от нарративной рамки, предложенной Ф. Фидлером, но и тяготеет к беллетризации в мироконструировании и миропрезентации, ориентации на схему авантюрного романа, базирующегося на интерпретации онтологемы «судьба». Поэтому литераторы видят «судьбоносность» своего жизненного выбора, описывают свой путь в писательство как испытания, неожиданные повороты, неслучайное вмешательство судьбы.

Список источников

Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 320 с.

Александров А. С. Ответы писателей на анкеты периодических изданий начала XX века // Вестн. Томского гос. ун-та. 2019. № 447. С. 5–10. <https://doi.org/10.17223/15617793/447/1>

Андрущенко Е. А. Некрасовская анкета К. И. Чуковского и Д. С. Мережковский // Вестн. славянских культур. 2023. Т. 67. С. 174–185. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>

Анисенко Д. А. Ловец автобиографий: литературное коллекционирование Фёдора Фидлера // Практики и интерпретации: журн. филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8, № 4. С. 138–161. <https://doi.org/10.18522/2415-8852-2023-4-138-161>

Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур : сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 302–316.

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 9–192.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Большая советская энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926. Т. 2.

Брокгауз Ф. Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1900. Т. 29. 468 с.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е. А. Мамчур // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Вахненко Е. Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) // Сиб. филол. журн. 2019. № 4. С. 101–115. <https://doi.org/10.17223/18137083/69/9>

Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. без перемен. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. 492 с.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., Ленинградское отделение, 1977. 443 с.

Клементьев Р. Е. Стенограммы и вокруг них: из опыта работы по созданию цифрового архива документов Отдела рукописей ИМЛИ РАН // Вестн. Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2023. № 3. С. 165–172. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-14>

Кузнецов И. В. «Как мы пишем» – тогда и теперь // Новый филол. вестн. 2019. № 4 (51). С. 65–72.

Можейко М. А., Балцевич С. Я. Судьба // Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис, Книжный дом, 2001. С. 804–808.

Сабурова Т. А., Родигина Н. Н. «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX века // Вестн. Омского ун-та. 2015. № 1. С. 152–155.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.

Сент-Бёв Ш. О. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Худож. лит., 1970. 581 с.

Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур : сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 38–75.

Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги: автобиографии соврем. рус. писателей. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. 268 с.

Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского [и др.]. М.: Бр. А. и И. Гранат и К°, 1910. Т. 3.

References

Abasheva, M. P. (2001). *Literature in search of a face (Russian prose in the late 20th century: the formation of authorial identity)*. Perm, Perm State University Publishing House, 320 p. (In Russian).

Aleksandrov, A. S. (2019). Responses of writers to the questionnaires of periodicals of the early 20th century. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 447, pp. 5-10. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/447/1>

Andrushchenko, E. A. (2023). Nekrasov's questionnaire K.I. Chukovsky and D.S. Merezhkovsky. *Bulletin of Slavic Cultures*, no. 67, pp. 174-185. (In Russian). <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>

Anisenko, D. A. (2023). Trapper of autobiographies: Literary Fyodor Fiedler's collecting. *Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*, vol. 8, no. 4, pp. 138-161. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2415-8852-2023-4-138-161>

Arutyunova, N. D. (1994). Truth and fate. *The concept of fate in the context of different cultures*. Collection of articles. N. D. Arutyunova (ed.). Moscow, Science, pp. 302-316. (In Russian).

Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Questions of literature and aesthetics*. Moscow, Art Literature, pp. 234-407. (In Russian).

Bakhtin, M. M. (1986). Author and hero in aesthetic activity. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art, pp. 9-192. (In Russian).

Brockhaus, F. (1900). *Encyclopedic dictionary*. in 86 vols. I.E. Andreevsky (ed.). St. Petersburg, F. Brockhaus, I. Efron, vol. 29, 468 p. (In Russian).

Brockmeyer, J. and Harre, R. (2000). Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm. Transl. from English by E. A. Mamchur. *Philosophy Questions*, no. 3, pp. 29-42. (In Russian).

Fidler, F. F. (1911). *First literary steps: Autobiography of modern Russian writers*. Moscow, Sytin Publishing House, 268 p. (In Russian).

Ginzburg, L. Ya. (1977). *About psychological prose*. Leningrad, Art Literature, Leningrad Department, 443 p. (In Russian).

Klementiev, R. E. (2023). Transcripts and around them: From the experience of work on creation of a digital archive of documents of the Manuscripts Department of IMLI RAS. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 165-172. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-14>

Kuznetsov, I. B. (2019). "How we write" - then and now. *New Philological Bulletin*, no. 4, pp. 65-72. (In Russian).

Mozheiko, M.A. and Baltsevich, S.Ya. (2001). Destiny. *Postmodernism*. Encyclopedia. A.A. Gritsanov, M.A. Mozheiko (comp.). Minsk, Interpresservice, Book House, pp. 804-808. (In Russian).

Saburova, T. A. and Rodigina, N. N. (2015). "First People in Russia": Class and professional identity in the memoir-autobiographical prose of Russian writers of the 19th century. *Bulletin of the Omsk University*, no. 1, pp. 152-155. (In Russian).

Sainte-Beuve, C. O. (1970). *Literary portraits. Critical essays*. Moscow, Art Literature, 581 p. (In Russian).

Savkina, I. (2007). *Conversations with the mirror and the Looking Glass: auto-documental female texts in Russian literature of the first half of the 19th century*. Moscow, New Literary Review, 416 p. (In Russian).

Shmidt, O. Yu., ed. (1926). *Big Soviet encyclopedia*: in 65 vols. Moscow, Soviet Encyclopedia, vol. 2. (In Russian).

Toporov, V. N. (1994). Fate and Chance. *The notion of fate in the context of different cultures*. Collection of articles. N. D. Arutyunova (ed.). Moscow, Science, pp. 38-75. (In Russian).

Vakhnenko, E. E. (2019). Editorial policy of the newspaper "Exchange Bulletin" in the context of historical breakdown (July 1914 - October 1917). *Siberian Philological Journal*, no. 4, pp. 101-115. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/18137083/69/9>

Vengerov, S. A. (1907). *Essays on the history of Russian literature*. 2nd ed. St. Petersburg, Public Benefit, 492 p. (In Russian).

Zheleznov, V. Ya., Kovalevsky, M. M. et al., eds. (1910). *Encyclopedic dictionary of the partnership "Br. A. and I. Granat and K°"*. Moscow, Br. A. and I. Granat and K°, vol. 3. (In Russian).

Сведения об авторе

Селютина Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры теории медиа, <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>, WoS ResearcherID: T-2113-2017, SPIN: 2873-9060, L22502@yandex.ru

Information about the Author

Elena A. Selyutina – Ph.D. in Philology, associate professor, associate professor of the Department of Media Theory, <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>, WoS ResearcherID: T-2113-2017, SPIN: 2873-9060, L22502@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.